

ЕЛЕНА ГОРДИНА

КОГДА
КРАСОТА
УБИВАЕТ

Елена Гордина
Когда красота убивает

«Гордина Елена Владимировна»

2010

Гордина Е.

Когда красота убивает / Е. Гордина — «Гордина Елена Владимировна», 2010

ISBN 978-5-227-01983-7

Матильда была красавицей и истинной блондинкой от гламура. Она шла по жизни гордо, как атомный ледокол. Но однажды судьба ее пересекла траекторию пути неудачницы Людочки, которая от безысходности решила открыть детективное агентство. Женщины прошли колоссальные испытания на полосе жизненных препятствий. Но на финише их ожидал большой сюрприз.

ISBN 978-5-227-01983-7

© Гордина Е., 2010
© Гордина Елена Владимировна, 2010

Содержание

Людмила	5
Матильда	9
Людмила	11
Матильда	14
Людмила	16
Матильда	19
Людмила	21
Матильда	23
Людмила	26
Матильда	29
Людмила	30
Матильда	31
Людмила	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Елена Гордина

Когда красота убивает

Людмила

Никогда не думала, что могу остаться без работы и без мужа одновременно. Мне почему-то казалось, что работа и семья – понятия взаимоисключающие. Либо ты супер-женщина, «леди босс», феминистка, ориентированная на карьеру, либо тихая скромная симпатичная домохозяйка, виляющая хвостом при появлении «кормильца» и приносящая ему тапочки в зубах. Хорошо, не в зубах. В зубах – это слишком. Пусть в руках, но обязательно с улыбкой на лице.

– Как прошел день, дорогой? Я приготовила двадцать три твоих любимых блюда на ужин!

Да, с чувством юмора у меня сегодня, похоже, проблемы. И не только с чувством юмора. Теперь мой девиз «Проблема – стиль жизни». Сегодня отвратительно моросит. Ветер, не стихавший всю ночь, все-таки нагнал дождь, так что утро наступило безрадостное, с какой стороны ни взгляни. Я покосилась на огромные кухонные часы в форме сковородки. Последние пять лет моей жизни прошли под знаком этой самой сковородки. Готовка, уборка, снова готовка, улыбка Джоконды, супружеский долг и редкие выходы в свет, обычно к его маме. А ведь как хорошо все начиналось...

– Люда! Зачем тебе теперь работать? – Новоиспеченный муж нежно целовал меня в ушко. – Я хорошо зарабатываю, нам хватит.

Мои робкие попытки возразить, что диплом экономиста просто так в мусор не выбросишь, жалко все же пять лет универа, Сережа сразу пресекал:

– Зато у меня высокообразованная жена. Уж ты точно не будешь дни напролет смотреть тупые мексиканские сериалы. Ты превратишь наш дом в конфетку.

Кстати, сейчас, по-моему, идет как раз один из таких сериалов. Я медленно поднимаюсь с табуретки, на которой сижу уже несколько часов, с того момента, как Сережа заявил мне:

– Люда, мы стали слишком разными. Я постоянно развиваюсь, постоянно в движении. Прихожу домой – и что я вижу?

На мой робкий вопрос, что же такое он видит, Сережа ответил прямо:

– Я вижу расплывшуюся, неухоженную, деградирующую личность, с которой не о чем поговорить. Все! За вещами заедет моя мама!

Он так громко хлопнул дверью, что у меня зазвенело в ушах. «Заедет моя мама!» В переводе на русский язык это означает, что его мама, когда заедет, заберет из квартиры все, что сможет унести в мускулистых руках за один раз. И потом обязательно вернется. Еще и еще раз. Проще отдать им ключи от квартиры, по крайней мере тогда можно жить надеждой, что стены останутся на месте. А мне и этого хватит.

Опускаюсь в кресло, машинально отмечая, что оно как-то натужно скрипит подо мной. Нет, что ни говори, а Сережа прав. Я действительно неприлично растолстела: некогда стройные бедра превратились в ляжки, а плоский живот – в брюхо.

На экране телевизора замелькали титры, и наконец крупным планом застыло лицо главной героини. Она в коме. Уже серий сто. Однако безупречный макияж на лице постоянно. И как сексуально она лежит. Вот женщина! Даже умирает эротично. Не то что я!

А пять лет назад у меня было много поклонников. Неужели правда? Мне становится смешно – в двадцать шесть лет я добровольно превратила себя в старую толстую корову. Я

уже не помню, как кокетничают. Действительно, как? Мне стало до такой степени интересно, что я поплелась в ванную и уставилась в зеркало. Хороша! Серенькие слипшиеся волосенки, красный нос и опухшие глаза. Нет, я выбрала неудачный момент. Поспешила убраться от зеркала поскорее. Какое кокетство, когда я ревела два часа подряд?

Сериал смотреть почему-то расхотелось. Конечно, героиня обязательно выйдет из комы, и влюбленный миллиардер увезет ее на Багамы. А я снова начну реветь. Меня никто не возил на Багамы, и даже на Черное море не возил. Помнится, лет пять назад мы с Сережкой ездили на Байкал. Красотища! Я тогда была еще стройненькая и легкая как ветер, порхала с одного камня на другой и громко кричала:

– Смотри, как красиво!

И чувствовала себя очень счастливой. Еще бы, я – молодая жена, медовый месяц и тысяча километров от свекрови. Хотя, как выяснилось позднее, тысяча километров для бешеной собаки не крюк. «Мама» приехала спустя два дня, решив нас обрадовать. Остаток медового месяца я спала в одной палатке со свекровью и молодым мужем.

Может быть, уже тогда мне надо было бежать от них со всех ног? Нет, а как же книги «Как женить на себе мужчину?», «Сто причин, от которых ему не отвертеться» и прочая высокохудожественная литература, которой зачитывалась сначала моя мама, потом старшая сестра, ну а после них, естественно, и я? В пособиях ни слова не говорилось о том, что от мужа можно уйти. Самой? Бред! Мужчину нужно поймать и крепко-накрепко держать за... А действительно, за что же надо было держать Сережу?

Мне снова стало грустно. Немного поразмыслив, я поняла, что реветь больше не могу, и тогда решила выпить. Водка в холодильнике у нас не переводилась – на случай прихода свекрови. Сережина мама лечилась ею от какой-то странной болезни. Приняв в лечебных целях граммов сто, она обычно принималась за меня:

– Люся! Я вот смотрю, унитаз у тебя не блестит. А ведь унитаз – лицо хозяйки!

Эх! Ответить бы мне ей тогда, что по себе людей не судят. Что у меня вместо лица не унитаз, а вполне приличная, интеллигентная мордашка!

Я открываю холодильник и тянусь к запотевшей бутылке «Столичной». Нет, я вообще-то не пью. Тем более водку. Ну бокал красного вина, не больше. Но сегодня особый случай. Достаяю с полки стакан – граненый естественно, для усиления образа опустившейся брошенки – и смело наполняю его до краев. Стараясь не вдыхать омерзительный запах, делаю огромный глоток и... Из глаз потекли слезы. Нет, даже в память о Сереже я не в состоянии совершить этот подвиг. Остатки водки выплескиваются в раковину. Брызги летят на пол. Я машинально подсказываю, ожидая замечания мужа:

– Боже, какая же ты неряха!

Или:

– У нас скоро крокодилы по кухне будут бегать!

Или:

– Недаром мама говорила, что вчера видела у нас трех огромнейших тараканов! И они ей дерзко улыбались! Мама предположила, что ты их подкармливаешь и дрессируешь.

Но тут я вспомнила, что Сережа ушел, а значит, лекции мне теперь читать некому. Сама не знаю, что на меня нашло – может быть, глоток алкоголя так повлиял на ослабленный стрессом женский организм, но я взяла все еще холодную бутылку и, обольстительно улыбаясь неизвестно кому, вылила все ее содержимое на пол! Боже! На безупречно чистый, безупречно блестящий линолеум кухни.

И в тот момент, когда последняя капля, блестя и переливаясь в свете стопятидесятиваттной лампочки, оторвалась от горлышка и плюхнулась в небольшую лужицу у холодильника, в дверь позвонили.

Первой мыслью было: «Сережа вернулся!» Второй: «Вернулся, но с мамой!» А третьей: «Они подогнали КамАЗ, чтобы вывезти вещи!» И вдруг мне стало чертовски интересно, какая их этих догадок окажется верной.

Я одернула ситцевый халатик и непристойно бодрой для брошенной жены походкой направилась в коридор.

– Кто там?

Господи, а что у меня с голосом? Похоже, глоток водки действует на меня как капля никотина на лошадь.

– Белла Карповна!

О! Свекровь! Неужели так быстро?

– Вы с Сережей?

– Нет! Мой сын больше не переступит порог этого вертепа!

Все ясно. Началась раздача слонов!

– Дорогая мама! – Мне самой стало страшно от такой дерзости. – А не пойти бы вам к черту?

Так. Теперь главное не задохнуться от смеха. Тишина. Почему так долго тихо?

– Что?! – Белла Карповна, похоже, тоже обалдела от такого поворота событий.

– Идите к черту, мама!

Внезапно я почувствовала себя легко и свободно. Отошла от двери и направилась в кухню, по дороге ругая себя за то, что вылила водку на пол. Еще глоток – и я бы послала ее дальше! Гораздо дальше!

Внезапно услышала скрежет ключа в замочной скважине и сообразила, что еще не все потеряно. Видимо, Белла Карповна вооружена не на шутку, и как только откроет дверь Сережиным ключом, сразу же и отдаст мне «первого слона».

– Боже! Какая вонь! Я всегда знала, что ты алкоголичка! – Пышная и розовощекая, с алыми губами вампира и «добрыми» глазами этого же существа, свекровь ворвалась в кухню. – Бедный мальчик! Как он все это терпел?! – Полные руки возносятся к небу, рыжие, крашенные хной волосы разлетаются по плечам. Ярославна со своим плачем отдыхает.

Позади «мамы» сопят два каких-то мужичка, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

– Что выносить-то, хозяйка? Бл... – уныло матерится тот, который постарше, оглядываясь.

Понятно, это грузчики. Та-ак... Оперативно работают родственники, мать их.

– Все! Я вам покажу! – Белла Карповна срывается с места, и резвый топот ее вечно больных ног слышится уже из спальни. – Вот этот шкафчик! Да, да! Со всем содержимым! Это все я покупала! Так! И этот диванчик.

Шум, грохот передвигаемой мебели. Спустя час в квартире остаемся я, табуретка подо мной, холодильник (потому что старый), сантехника (потому что ее не отодрать от стены), кухонный стол (видимо, от душевной щедрости) и посуда (наверное, на память о прошлой жизни).

– Вот! – Свекровь бросает мне на колени ключи от квартиры. – И скажи спасибо, что тебе попались порядочные люди!

Гордо, словно рыжее знамя, она поднимает голову и выплывает в коридор.

– И не вздумай нам звонить! Сережа познакомился с порядочной девочкой! – сообщает она мне напоследок и наконец исчезает.

Все. «Розданные слоны» полностью растоптали такой привычный, такой уютный мой мирок. Оно и к лучшему... Еще плохо соображая от пережитого и задыхаясь от аромата Беллиных духов, я подошла к кухонному окну и увидела две премиленькие «газельки» и бодрую свекровь. Бок синего плюшевого диванчика, который я сама покупала еще в девичестве, на моих глазах исчезает внутри машины. Еще миг – и там же оказывается стиральная машинка.

Господи, а когда они ее-то успели вытащить? Свекровь, словно чувствуя, что я за ней наблюдаю, резко поворачивается и встречается со мной взглядом. На ее лице все оттенки чувств – от дикой радости лесного кабана, растоптавшего пару-тройку охотников, до справедливого гнева праведной девственницы, собственноручно кастрировавшей мужчину, который решил с ней переспать. Белла Карповна поджимает алые губы, что выражает крайнюю степень презрения, не сводя с меня глаз. Наверное, она решила подождать, пока я выброшусь из окна. Долго придется ждать, мама! Мне снова становится смешно. Издерганный стрессами организм выдает удивительные фортели. Мне бы сейчас по логике событий зареветь в голос и пойти повеситься, а я зачем-то рассматриваю свои пальцы. Наконец нужный мне найден. Я поднимаю средний палец вверх, причем так высоко, чтобы было видно с улицы. Ужасно непристойный жест, но мне становится легче.

Все. Долг снохи выполнен, теперь можно возвращаться в комнату. Спальня стала удивительно просторной, ни тебе дивана, занимавшего половину комнаты, ни телевизора, постоянно отвлекающего меня от серьезных мыслей. Около окна сиротливо стоит собранная раскладушка. Вспомнив, как Белла сказала: «Благодари Бога, что тебе попались порядочные люди!», я мысленно возношу слова признательности Всевышнему и ложусь спать. Утро вечера мудренее!

Матильда

Когда я спрашиваю у мамы, откуда взялось мое имя, она обреченно закатывает глаза. Знает, несчастная, что последует за этим вопросом. Я как только научилась говорить, постоянно вытягиваю из нее признание. Ну скажи она мне, что папа перебрал лишнего после радостного известия из роддома и написал в ЗАГСе в графе «имя ребенка» первое, что пришло в его затуманенную алкоголем голову, я бы успокоилась. Честно! Или что так звали мою бабушку, и она прожила удивительно счастливую и беззаботную жизнь, каждые три года меняя автомобили, особняки и мужей. Так ведь нет!

– Папе тогда очень нравилась одна оперетта! А главную героиню там звали Матильда! – и все.

Мама считает, что этих объяснений вполне достаточно, чтобы я наконец успокоилась и «перестала маяться дурью», как говорил папа. И ведь не объяснишь им, что в школе с первого по десятый класс я неизменно была козлом отпущения. Тошная Мотя, Драная Мотя, Волосатая Мотя и еще много других милых моему сердцу прозвищ обрушилось на мою белокурую голову. Не спасало положение ни хорошенькое личико, ни светлая душа, ни доброе сердце. Тошная Мотя – и весь сказ. Даже когда я познакомилась со своим будущим мужем, не решилась ему представиться настоящим именем.

– Мо! – протянула я Мише ухоженную ручку.

Начинающий бизнесмен слегка обалдел, но все же пожал мои тоненькие пальчики:

– Это ваше имя?

– Да, – скромно опустила я глаза. – Мой папа долго жил в Китае... Работал на сверхсекретном предприятии!

Так начался наш роман. Не знаю, что произвело на Мишу большее впечатление – мое иностранное имя или длинные ноги, но с тех пор мы не расставались ни на минуту. Наверное, он действительно меня любит, потому-то и не сбежал, узнав, что мой папа – обычный мастер на машиностроительном заводе и зовут меня не Мо, а совсем по-другому. Но живем мы с ним уже пять лет душа в душу.

В институт я, естественно, не поступила, так как сразу же после школы выскочила замуж. Миша из начинающего предпринимателя превратился в крутого бизнесмена, и вопрос о моей работе с 8 до 17 отпал автоматически. Теперь я целыми днями болтаюсь по квартире, крашу ногти и пристаю к маме с глупыми вопросами. Нет, своей жизнью я вполне довольна, только в последнее время меня все сильнее и сильнее одолевает скука. Миша вечерами проводит какие-то странные деловые встречи, обед нам готовит кухарка, а детей мы пока не планируем. И совершенно очевидно, что заняться мне нечем. Вот и сегодня я проснулась как обычно в половине двенадцатого и еще долго лежала, размышляя, чего бы заказать себе на завтрак.

Мобильник затренькал где-то совсем рядом, и я на ощупь откинула крышечку:

– Алло?

Мишкин голос, родной и как обычно нежный, заботливо поинтересовался:

– Не разбудил?

– Нет! – зевнула я, высоко задирая стройные ноги. – Я уже проснулась!

– Малыш! – В голосе появились виноватые нотки. – Я сегодня буду поздно. У меня деловая встреча. Ты не жди, ложись спать. Хорошо?

Мне стало чертовски обидно, слезы сами собой навернулись на глаза.

– Чувствую себя соломенной вдовой! – разрыдалась я в трубку. – Постоянно одна дома!

– Малыш! Ну успокойся! Сходи в магазин, купи себе что-нибудь...

– Мне ничего не надо, – продолжала рыдать я. Действительно, зачем мне новые тряпки, если в них не перед кем показаться?

Маша, наша кухарка и по совместительству домработница, принесла мне тарелку с салатом и две свежие булочки. Я сажусь на постели скрестив ноги и начинаю уплетать за обе щеки. Настроение безнадежно испорчено, да еще около кровати крутится эта несносная болонка Розочка, подарок свекрови. И жить с ней невозможно, и пристрелить жалко.

Людмила

Это какой же идиот придумал, что утро вечера мудренее? Вчера мне было даже весело, напал кураж, а сегодня не хочется открывать глаза. Я уже давно проснулась, а вставать нет сил. Надо что-то делать, наверное, искать работу или хотя бы помыть голову, зубы почистить. Тяжело опускаю ноги с раскладушки, и первое, на что натывается мой взгляд, – сиротливая кучка шмоток на полу. Старые джинсы с отвисшим задом, миленький серо-сине-черный байковый халатик и оранжевая водолазка, которая теперь не налезает даже на шею. Неужели это все мои вещи? Я судорожно вскакиваю. Так! Что там у меня еще должно быть? Ну-ну! А! Вот и длинная трикотажная юбка, ага, под стулом валяется, и свитер серый китайский на месте. Значит, весь гардероб в сборе. Мне становится так тоскливо, хоть волком вой. Я совершенно отвыкла от людей, я забыла, как можно работать, я боюсь всего. Села и заревела в голос.

Совершенно очевидно, что у меня затяжная депрессия, наверное, мне необходимо лечение, скорее всего даже в клинике. Я зло утерла слезы кулаком. На депрессию и клинику можно забить. Успокаивать меня некому, сопли вытирать тоже. Тогда какой смысл рыдать?

Я решительно подошла к окну и на мгновение замерла. Сегодня дождя нет, значит, можно пробежаться. Бегать? Это с моей-то комплекцией? Мне становится плохо от собственной смелости. Да я распугаю всех прохожих! Ну и черт с ними. Подняла с пола джинсы и, скрипя, пытая и втягивая живот до отказа, застегнула «молнию». Корова! Водолазку примерить не решилась и надела свой любимый серенький свитер. И вообще в зеркало лучше не смотреться – что с утра настроение себе портить? Итак, хоть иди и вешайся, если, конечно, Белла Карповна мыло мне оставила.

На улице довольно прохладно, все-таки сентябрь на носу. Я зачем-то втягиваю живот и резко стартую с места. Спустила пару метров, к огромному удивлению, начинаю задыхаться. Пот катится градом, застилает глаза, а жир колышется в такт шагам. Полчаса быстрой ходьбы дались адскими усилиями. Я устала так, словно копала землю даже не носом, а ушами.

– Что ж мне тяжело-то так? – с удивлением спросила сама себя и остановилась в городском саду, чтобы дух перевести, а заодно и осмотреться. Таких же сумасшедших, как я, много – две стройные симпатичные девушки бегут уже второй круг вокруг фонтана. Пожилая чета семенит рука об руку, да еще мужчина в вязаной шапочке, натянутой на самые глаза, и с плеером на шее.

– Тяжело с непривычки? – останавливается он около меня и приветливо улыбается. – Да?

– Ага. – Я тоже улыбаюсь, но очень грустно. – Жутко тяжело, словно вагон с углем разгрузила.

– Ничего. – Мужчина бежит на месте, а я все еще пытаюсь восстановить дыхание. – Через неделю будет гораздо легче! Удачи! – И он унесся вперед.

А я, спотыкаясь и путаясь в собственных ногах, решила сделать еще один круг. Домой возвратилась совершенно мокрая, измученная и усталая до такой степени, что не остается сил даже на душевные переживания. Скинула влажную от пота одежду на пол. И у меня вдруг возникла шальная мысль посмотреть на себя в зеркало.

Огромное зеркало в ванной, к моему удивлению, осталось на месте. Наверняка коварная Белла специально его не тронула: мол, смотри, любуйся на себя.

А что? И посмотрю, мне сегодня ничего не страшно! Я бочком-бочком приблизилась к зеркалу и автоматически закрыла глаза. Нет, так дело не пойдет. Открыла! Да, а размер-то у меня 52–54, это точно. И когда же я успела так разъесться? Ну как же, Сереженька любил

пирог, пирожки, ватрушки. Непременно свежие. А вчерашние доедала я. Не выбрасывать же! Жалко!

Я тяжело вздохнула и пошла на кухню. Красным маркером размашисто написала на холодильнике: «На ночь не жрать! И так корова!» Затем тоскливо достала кефир и сделала жадный глоток. Похоже, в ближайшие полгода это будет основной моей пищей.

Теперь что? Ах да! Теперь надо искать работу. «Из рук в руки», веселенькая газетенка, оказывается безнадежно старой. Что ж, придется снова выходить на улицу. Сначала я решаю выбежать из дома как обычно, как я носилась за продуктами в течение последних пяти лет – волосы в хвостик, лицо, естественно, не накрашено. Но в последний момент передумала. Если уж начинать новую жизнь, то сразу! Вытащенная из дальнего угла косметичка оказалась битком набита вырезками из бабских журналов: «пирог на скорую руку», «кулебяка по-русски», «блинчики с курагой». Косметики же в ней не нашлось. Я брезгливо двумя пальцами схватила ее за бочок и со всем содержимым выбросила в ведро. Значит, кроме газеты придется купить и косметику. Хотя бы пудру, помаду и тушь. Сплошные траты! И это в моем положении! Хотя сейчас деньги можно сэкономить на продуктах.

Теперь волосы. Что волосы? Неопределенного цвета пакли, хотя если собрать их в пучок на затылке, то смотрится неплохо. Неплохо для кого? Внезапно меня начинают жутко раздражать висящие вдоль лица мокрые пряди. Помнится, в десятом классе я на УПК училась на парикмахера. Может, попробовать? Совсем я сдурела, хотя в моем положении хуже уже не будет. А как же всякие там приметы типа самой себя стричь – счастье обрезать или что-то в этом роде. Какое счастье? Я уверенно подношу ножницы к голове и отрезаю длинную прядь. Еще и еще. Проходит полчаса. Я вхожу в раж! Волосы летят в разные стороны. Наконец я прихожу в себя и смотрю в зеркало. Получился вполне приличный жирный мальчик. Нормальная ультракороткая стрижка, даже сзади не так уж и плохо. На улицу я собиралась непривычно долго. Решила себя еще чем-нибудь украсить, но из всех украшений у меня остался лишь ярко-желтый шелковый платок – его и повязала на шею. А что? Неплохо!

Погода к обеду испортилась, и мое и без того унылое настроение совершенно упало. Проходя мимо небольшого книжного развала, я зачем-то остановилась у прилавка.

– Что вы мне посоветуете почитать интересного? – вежливо спросила я неопределенного возраста и пола существо в вязаной шапочке, натянутой до глаз, и мятой ветровке.

– Так это, тетка... – Как только существо заговорило, стало ясно, что передо мной молодой парень. – Наверное, вот это! – И продавец протянул красочно оформленную книжку «Как выйти замуж за миллионера».

– Спасибо! – как от укуса дернулась я. – Это я уже читала. А еще интересное что-нибудь есть?

– Есть! У меня все есть! Вот, например, «Поверь в себя». – Он ткнул мне прямо под нос другую книжку. – Жутко интересно. Или эта – «Негламурное ток-шоу», здесь про модель, которая всех мочит. Почитай!

– Только моделей мне сейчас и не хватает. Хотя ладно... – решаюсь я наконец. – Давай обе книжки и свежую газету «Из рук в руки»!

– Вот тетка молодца! – Парень радостно потирает руки.

И вдруг мне захотелось кое-что у него выяснить.

– Слушай, парень, сколько тебе лет? – Я старалась говорить ровным тоном, чтобы не испугать его раньше времени.

– Двадцать пять! А что?

– А мне сколько? Как ты думаешь? – Голос предательски дрогнул. «Тетка! Да мы ровесники с тобой, гад ползучий».

– Ну... – мнется парень. – Около сорока, наверное, а что, неужели больше?

– Ничего! – Я быстро отвернулась и незаметно смахнула слезу с левого глаза. Правый мужественно держался. – Волк тебе тетка! – бурчу я, отходя подальше от хама.

Домой я вернулась в ужасном расположении духа и, решив по привычке, выработанной годами, заесть стресс булочкой или, на худой конец, хлебом с маслом, сунулась к холодильнику.

«На ночь не жрать! И так корова!» Рука сама собой опустилась. И что же мне делать? Блин! Этот парень меня так расстроил, что про косметику я совершенно забыла. Одеваюсь и опять выхожу на улицу. Просто бешеный ритм жизни для меня. Ближайший парфюмерный магазин в двух шагах от дома. К счастью, пожилая женщина-продавец теткой меня не назвала. Выбрала я себе тушь удлиняющую (было бы что удлинять), помаду увлажняющую и матовую пудру. Теперь прослыву красоткой!

Дома я первым делом поставила на огонь чайник, так как есть хотелось нестерпимо. Даже кактус на окне вызвал у меня обильное слюноотделение. Я налила огромную кружку чая и совершенно автоматически потянулась за сахаром. Стоп! Господи! Как же тяжело!

С кухни пришлось срочно уйти, держа под мышкой купленные книжки и горячий чай в руке. Настроение грозило уйти за знак «минус». Я развернулась и поплелась в коридор за газетой, которую бросила прямо около входа. Надо дать объявление о поиске работы, хоть немного отвлекусь от негодования голодного желудка.

Итак, «Молодая одинокая женщина, 26 лет, с высшим экономическим образованием, без трудового стажа, ищет подходящую работу, без командировок». И телефоны. Ну как? Мне показалось, что вполне прилично, хотя, может быть, написать еще, что выгляжу я немного за сорок?

Второй день «холостой» жизни подходил к концу, а о Сереже я так ни разу и не вспомнила. Все мысли занимал пустой желудок и парень, который назвал меня теткой.

Матильда

Эта паршивка Розочка налила огромную лужу на мой фиолетовый костюм – чудную вещицу от Пако Рабанна, которая, заметьте, лежала на кресле!

– Паршивка! – Я в ярости махала на болонку руками, размышляя, заорать или нет. – Что мне теперь делать?

Маши, как назло, дома не оказалось. Наверное, она ушла за продуктами. Я в отчаянии всплеснула руками:

– Ну и сиди теперь одна! – Брезгливо, двумя пальчиками я стянула костюм с кресла и бросила в пакет. – Я поехала в химчистку, а ты сиди одна!

Придется ехать, ну не выбрасывать же костюм за тысячу долларов?

Как назло, в химчистке было полно народу. Сюда в последний раз я заходила лет этак пять назад. Как я ненавижу очереди! Впереди меня стоит какой-то мужичонка лет сорока и постоянно вертится. Словно у него шило в заднице. Вот! Вторым раз наступил мне на ногу.

– Мужчина! – не выдерживаю я. – Поосторожней можно?

– Простите ради бога! – Он моментально оборачивается, пожирая меня глазами. – Простите, я больше не буду! А можно я у вас интервью возьму? – прямо так, без перехода интересуется он. И глаза такие честные-честные. С такими глазами врать невозможно.

– Интервью? – удивилась я. – На какую, позвольте спросить, тему? Химчистка в жизни женщины?

– Да нет, что вы. – Он заразительно рассмеялся. – Интервью на тему «Красивая женщина может быть умной». Как вам?

– А сами-то вы что здесь делаете? – неожиданно вопросом на вопрос отвечаю я. – Ищите красивых и умных женщин?

– Я журналист. Кстати, меня зовут Николай. – Мужчина изучающе смотрел на меня. – Пишу статьи о красивых женщинах. А вы такой экземплярчик... У меня домработница болеет, и я здесь случайно, вот костюм принес в чистку.

– Понятно... – тяну я, хотя мне совершенно ничего не понятно.

– Давайте заедем куда-нибудь, посидим, поговорим! – неожиданно предложил Николай, но я тут же решительно отказываюсь:

– Нет, спасибо! – Я достала из сумочки ключи от автомобиля. – Поеду, пожалуй, домой, а костюм завтра сюда привезет моя домработница, а то у меня больше нет сил торчать в этой вонище и духоте.

– А можно я вас до дома подвезу?

– С чего бы это? – громко фыркаю я, и половина очереди оборачивается. – Сама неплохо вожу свою машину.

– Не сомневаюсь, но мне хотелось бы сделать вам приятное. Хотите, я вам паспорт покажу, если вы меня боитесь? – Николай полез в карман. – Я не маньяк, не убийца и даже не женат...

– В таком-то возрасте и не женат? – сомневаюсь я и тут же прикусываю язык. Получилось как-то неловко.

– Вы правы. – Николай и не подумал обидеться. Он вытащил сигарету и довольно прищурился. – Я уже разведен. Так паспорт достать?

– А на кой он мне? – Настроение незаметно выровнялось, хотя мы и продолжали стоять в толпе каких-то мрачных людишек. – Я же не участковый!

Из химчистки мы вышли практически рука об руку, только я подошла к своей машине, а этот придурковатый Николай – к своей. Машина у него оказалась, кстати, не ахти какая. Обычный жигуленок, правда, 10-й модели. Цвет тоже так себе – болотный какой-то. Мне

больше металлик нравится или мокрый асфальт. Форель тоже неплохо. Хотя чего я к нему прицепилась? Не моя же машина – вот сейчас он сядет в свою сов ковую тачку – и про-сти-прощай. И не встретимся мы больше никогда в жизни.

– Как вас зовут? – Николай закурил. Табак довольно приличный – это я сразу поняла. У меня на дешевые сигареты что-то вроде аллергии – тошнит и во рту привкус, словно туда нагадил маленький динозаврик. А тут нет, тут явно высокосортные сигареты. Да и парфюм вполне – «Кензо», скорее всего. Мне понравился. Одет стильно, несмотря на то что далеко не юноша.

– О чем вы так задумались? Наверное, меня оцениваете? – Николай словно подслушал мои мысли. Он продолжал топтаться возле меня словно горный козел.

– Я? – От неловкости я даже покраснела, отчего разозлилась еще больше. – Я вас оце-ниваю? С чего бы это?

– Наверное, смотрите – немолодой дядечка, но одет стильно, – продолжил он. – Опять-таки тачка так себе, зато одеколон приличный. Я прав?

– «Кензо»? – Я не смогла сдержать смеха.

– Ага! – Николай тоже улыбнулся во весь рот. – Значит, я прав?

– Вот привязался! – прыснула я в кулак. – Прав! Но это ничего не значит!

– Договорились! – Николай снова улыбается отличными фарфоровыми зубами. – Где я вас завтра могу увидеть, чтобы взять интервью для журнала?

– Здесь! – Я махнула в сторону ближайшего гастронома. – Мне отсюда до дома неда-леко, и кафе «Синица» рядом. Может быть, в кафе? – И подумала, зачем я ему обещаю, ведь точно же никуда не пойду. Я открываю дверцу и сажусь в свой «пежо» черного цвета. Как говорит Мишка: «Автомобиль может быть любого цвета, главное – чтобы этот цвет был чер-ным».

– Подождите! – Николай бросился следом. – Вы так и не сказали мне своего имени!

– А какая теперь разница?

– Да, действительно никакой! Вот. – Он протянул мне маленький белый прямоуголь-ник. – Это моя визитка. Вдруг вы когда-нибудь решите мне позвонить, потому что, уверен, в «Синицу» вы завтра не придете. Ну просто так позвоните, ведь может же такое быть?

– Может, – согласилась я и быстро уехала прочь. Визитку я безразлично сунула в кар-ман, решив избавиться от нее, как только скроюсь из поля зрения Николая. Зачем мне этот самодовольный пижон? Никогда я тебе не позвоню, Коля! Так и знай.

Людмила

Неделя пролетела незаметно. Я не сдаюсь и продолжила свои утренние истязания. Фонтан в горсаду стал практически родным, каждый сантиметр дороги вокруг него был полит моим потом.

– Как дела? – Мой новый знакомый в вязаной шапочке одобрительно кивает при встрече. – Стало легче?

Я, шумно дыша и отплевываясь, словно верблюд, остановилась и улыбнулась:

– Ну по крайней мере мне уже не кажется, что я вот-вот умру!

– Николай! – представился мужчина и протянул руку. – А я уже три года бегаю, после инфаркта.

– Инфаркт? – переспрашиваю пораженно. – Вы такой молодой!

– Ну, мне скоро сорок. – Николай покраснел от смущения. – А инфаркт можно и в тридцать заработать.

– Да, конечно. – Я согнулась пополам и едва восстановила дыхание. – Еще как можно, – и вспомнила Беллу Карповну с грузчиками.

– А вас как зовут? – Николай снова улыбнулся.

– Что? – Я даже опешила. – Меня?

– Ну да, а что? – удивился мужчина. – Я вас напугал?

– Нет-нет, – растерялась я как девчонка. – Люда, Людмила.

– Очень приятно и до новой встречи! – И Николай унесся вперед, оставляя за собой облачко пыли.

– Странный он какой-то. – Я пожала плечами, так и не признавшись себя, что Коля мне понравился. Очень симпатичный.

Сделала два круга вместо одного запланированного и возвратилась домой. Очень-очень хочется есть. Я обняла холодильник и приоткрыла дверцу – кефир, диетический творог, яблоко и крошечный кусочек сыра. Резко захлопываю дверцу и тяжело вздыхаю – до завтрака надо выдержать хотя бы час.

Сегодня должны поступить первые предложения о работе, и я с утра, сразу же после пробежки, сажусь у телефона. Вот! Первый звонок.

– Алло?

– Это вы давали объявление о поиске работы?

– Да, я! – От волнения у меня садится голос.

– Опишите себя! – зачем-то настойчиво требует женщина на том конце провода.

Я пораженно молчу, а потом думаю: может, сейчас именно так и устраиваются? Откуда мне знать?

– Ну... – тяну я. – Такая... невысокая... полная... э-э-э... стрижка!

– Да-а-а... – Женщина явно разочарована. – Учитывая ваш возраст, больше чем на десять долларов не тянете.

– Десять долларов в месяц? – потрясенно переспросила я. Конечно, я догадывалась, что недорого стою, но чтобы такие копейки! Тогда уж лучше в путаны податься.

– Почему за месяц? – настала очередь удивляться тетке. – За час. Хотя если ты темпераментная, – она быстро перешла на ты, – может, и неплохо зарабатываешь.

Темпераментная?! Куда же это она меня пристроить собирается? А в воспаленном мозгу проносятся картинки одна другой краше. Я в короткой юбочке и в одном бюстгальтере «вандербра» темпераментно кручу задницей, одновременно чертя график прироста прибыли фирмы. Или нет, вот так: я в сиреневых лосинах на голое тело и белой майке, конечно без бюстгальтера, темпераментно сижу на столе у шефа и одновременно отвечаю на звонки и

регистрирую входящую корреспонденцию. Хотя это какой должен быть стол, чтобы меня выдержать? Да еще вместе с телефоном и поступающими документами?

– Ты чего молчишь? – Тетка на том конце провода громко хмыкнула. – Думаешь? Соглашайся, тебе все равно больше никто не предложит.

– А кем я, собственно говоря, работать-то буду? – наконец задала я тот вопрос, который должна была задать в первую очередь.

– Как кем? – Тетка, чувствую, прямо обалдела. – Так это, ну, в массажном салоне... Досуг мужчинам организовывать.

– Что?! – Я едва не лишилась сознания. – Путаной, что ли?

– А ты решила, директором банка? – рассмеялась женщина. – Ладно, надумаешь, – звони. – Она продиктовала цифры, которые автоматически, на случай голодной смерти, я попыталась запомнить. Дрожащей рукой бросила трубку и промахнулась, отвратительный писк прерванной связи дополнил и без того прекрасную картину.

Прежде чем телефон зазвонил снова, прошло минут десять. Я успела выпить воды, вытереть слезы и мысленно пожалеть о том, что недавно вылила столько водки на пол. Как бы она мне сейчас пригодилась!

До восьми вечера, пока я не накрыла телефон подушкой, мне позвонили еще девять человек. Трое мужчин и шесть женщин. Действительно, первая тетка была права – больше десяти долларов за меня никто не дал. Здорово она разбирается в конъюнктуре рынка. Кроме интима, мне еще предложили: а) продавать полусвежую рыбу на свежем воздухе (правда, я не уточнила, ловить мне ее тоже самой придется или нет?); б) сняться в «высокохудожественном» домашнем порно («Вы подумайте, десять баксов за час!» – пищал в трубку противный юношеский голосок); в) заняться сетевым маркетингом («Девушка! За сетевым маркетингом будущее! – грузила меня какая-то дама, предлагая продавать неизвестного качества и совершенно неизвестной мне фирмы косметику и лекарства. – Через год вы не будете знать, куда девать деньги, и будете здоровы как бык!» – уверяла она меня, отчаянно кашляя в трубку).

Не густо, что и говорить. Я сиротливо поежилась, неожиданно для самой себя вытащила из сумочки деньги и, накинув на плечи выдавшую виды куртку, вышла на вечернюю улицу. Ноги понесли меня в винный отдел ближайшего универсама.

– Бутылку кагора! – отчеканила я, протягивая продавщице практически последние деньги. Если уж напиваться, то со вкусом! Домой я шла медленно, нежно прижимая к груди бутылку вина. Сегодня вечером я впервые пожалела, что душка Белла унесла мой телевизор. Можно было бы посмотреть сериал, помечтать о чуде. О богатом холостом олигархе, например. Как я поняла из предыдущих фильмов, порядочные мужики водятся исключительно в Москве. Все молодые, красивые, неженатые и даже без детей. Вот сидит такой олигарх и ждет меня, а я, дура, сижу дома и жду его. И что самое интересное – они жуть как любят провинциалок, московские дамы, видимо, их не возбуждают. Бред. Конечно, бред, но мне сегодня хочется именно этого. Чтобы ни о чем не думать и чтобы черная туча депрессии не накрыла меня с головой.

Зазвонил телефон, глухо так, из-под подушки. Наверное, опять предложат попутанить или торгануть спелым фруктом. Не стану отвечать, пошли вы все! Телефон не умолкал. Вот ведь настырные, черти. Пришлось встать с раскладушки и тащиться на кухню.

– Да, я слушаю.

– Вы давали объявление о поиске работы?

– Да, я. – Мне хотелось поскорее прервать этот разговор и вернуться в комнату. Лечь на раскладушку, укрыться с головой одеялом и ни о чем не думать. – Я давала объявление.

– Приходите завтра к восьми утра по адресу Советская, 40. При себе иметь все документы.

– Женщина, а какую работу вы мне предлагаете? – спросила я и затаилась в ожидании восторженных речей про сетевой маркетинг, свежую рыбу и темпераментную натуру.

– Кассиром. В нашу фирму.

– Кассиром? – Я временно потеряла дар речи. – В котором часу мне завтра приходиться?

– К восьми. Советская, 40.

– Обязательно приду, – пробормотала я, лихорадочно потирая лоб.

– Замечательно. – Суровая дама, не простившись, бросила трубку.

А я опустила на пол. Неужели мне повезло? Нормальная работа, приличный офис в центре города. Наверное, там и мужчины холостые есть. Остаток вечера я наглаживала юбку, свитер и чистила туфли. Голову решила вымыть утром, после пробежки. На девятый день свою рухнувшую жизнь я, как и полагается, «помянула» вином. Правда, блинов и компота у меня не было. Зато уснула я почти мгновенно, и всю ночь мне снился молодой грузин, который предлагал крем от морщин свежей, только что выловленной мною рыбе, а она, дрянь, почему-то отказывалась. А под утро мне приснились красавцы миллионеры, толпами осаждающие мое скромное жилище.

Матильда

– Солнышко, – осторожно толкает меня в плечо муж, – проснись.

Я недовольно открываю глаза и вижу, что он уже одет.

– Чего тебе? – Обычно он старается меня не будить.

– Мне придется уехать на пару деньков. – Миша виновато прищурился. – Неприятности небольшие надо уладить. Ты чего? – Он хватается за руку, но получается слишком грубо. Слезы, которые уже стояли в глазах, немедленно прорываются наружу.

– Значит, я опять останусь одна? – Мне плохо, действительно плохо. Мысленно я представляю длинные тоскливые вечера, ужин в обществе Фили, Хрюши и Степашки и холодную постель.

– Ну пойми меня! – начинает злиться Миша. Я вижу, что он держится из последних сил. – Мне действительно надо уехать. Это же бизнес, понимаешь? Мне необходимо много работать, чтобы у нас были деньги.

– Не нужны мне твои деньги! – Истерика накрыла меня с головой. Теперь я уже реву в голос. – Я одна, постоянно одна. Соломенная вдова!

– Что ты несешь? – сорвался на крик муж. – Это тебе-то не нужны деньги?! А все эти твои сауны, солярии, спортклубы?

– Ты меня попрекаешь? – Я пружиной слетела с постели. – Ты меня попрекаешь?

– Господи! – Мишка выбежал в коридор и запнулся о Розочку. Болонка залилась оглушительным лаем. Муж еще некоторое время метался по квартире, а затем исчез в неизвестном направлении.

Настроение было безнадежно испорчено, я чувствовала себя так плохо, что не хотела жить. Я снова упала на постель и лежала неподвижно. Разве я заслуживаю такой жизни? Разве о такой жизни я мечтала? Внезапно меня охватила злость, нет, даже ненависть к мужу. Он постоянно бросает меня одну, совершенно не думает о моих чувствах. Так!

Я вскакиваю, обвожу комнату взглядом. Где этот несчастный розовый костюмчик, в котором я ездила в химчистку? Куда я его позавчера швырнула? Ага, вот он. Так-так. В этом кармане нет. Вот она!

«Юрков Николай Альбертович. «Свободное слово». Старший редактор, журналист. 56-85-96».

Чтобы не передумать, я тут же набираю номер. Сердце колотится так, что, наверное, слышно даже в трубке.

– Алло? – отвечает приятный мужской баритон.

– Э-э-э... – мычу я, чувствуя себя последней дурой. Как мне представиться? Он ведь даже имени моего не знает. – Это я! – Ничего умнее в голову не идет.

– Прекрасная незнакомка из химчистки? – оживился Николай. – Это вы, прелестное создание? Как вы позавчера добрались до дома? Я долго переживал, что отпустил вас вот так просто, тем более что в «Синицу» вы на следующий день так и не пришли. Я проверял!

Значит, узнал. Сначала у меня, конечно, были опасения, что «прекрасная незнакомка из химчистки» – это вовсе не я. Кто знает, может, он каждый вечер снимает девок в разных химчистках города. Но после ключевой фразы «в «Синицу» вы на следующий день так и не пришли» сомнения отпали.

– Да, это я, – подтвердила я и снова впала в ступор. Что ему еще сказать? «Я только что поругалась с мужем и теперь не ведаю, что творю»?

– Вы уже завтракали?

Неужели у меня так урчит в животе от голода, что слышно даже на том конце провода?

– Нет, – отвечаю односложно. Конечно, он теперь подумает, что я полный тормоз. Ну и ладно.

– Тогда давайте я за вами заеду через полчаса, и мы где-нибудь позавтракаем... – осторожно предлагает Николай.

– Через час! – живо поправила я его, быстро подсчитывая в уме, сколько времени уйдет на душ, укладку, маникюр и макияж. – Даже через часика полтора.

– Договорились! – обрадовался Николай. – Значит, в десять часов я за вами заеду. Но скажите, где мы с вами встретимся?

– На старом месте, возле химчистки!

– Тогда до встречи.

Я первая кладу трубку и застываю в позе истукана. Что я делаю? Зачем мне этот старый ловелас? Я ведь отлично понимаю, что у него кризис среднего возраста и он изо всех сил старается подцепить первую попавшуюся молоденькую дурочку, чтобы доказать самому себе, что он еще о-го-го! А мне-то он на кой сдался? Но тут я представлю себе скучные дни, хмурые вечера, дикую тоску и одиночество. Нет! Хватит с меня. Если Мишка не может найти времени для собственной жены, то пусть за него его жену развлекает другой мужчина. Спать с Николаем я не собираюсь, и, значит, в моих действиях нет ничего дурного.

Надо сделать макияж. Неброский, так, чуть заметный. Мужики, глупые мужики, которые любят «естественную» красоту, даже не подозревают, сколько времени надо провести у зеркала, чтобы ее создать. Это ведь только синие веки и жирно обведенные черным карандашом глаза не требуют ни материальных, ни временных затрат. Чего там? Послунявил дешевый огрызок, пальцем намазал тени – и вперед, а здесь нужна тонкая, почти ювелирная работа. Для начала беру дневной крем, естественно, известной французской фирмы, другими я просто не пользуюсь, и легко наношу на кожу. Теперь тональный крем. Он такой классный, что на щеках совершенно не заметен, и кажется, будто это естественное, природное, бархатистое личико. Легкие бежевые тени на веки. Теперь подкрасим реснички, удлинив их втрое. Так, светлая губная помада. Отлично! Просто отлично! Я невольно залюбовалась собой в зеркале. Чудо как хороша!

Я почти готова. Но что же мне надеть? Вот ведь еще вопрос-то. В прошлый раз Николай меня видел в розовом костюмчике, значит, сегодня можно надеть брюки. Открываю шкаф и застываю, не в силах выбрать из двенадцати пар брюк одни-единственные. Минут пять уходит на душевные терзания, и наконец я отдаю предпочтение светло-коричневым, которые сама покупала в итальянском бутике. Хотя уместно ли осенью щеголять в светлых брюках? Но мы же будем в машине, как все цивилизованные люди. Не пешком же пойдем, в самом деле?

На сборы ушло ровно полтора часа. Надо поторопиться. Я незаметно выскальзываю в коридор и, стараясь не хлопать дверью, вылетаю в подъезд. Неохота объясняться с Машей, куда пошла, с кем, зачем... Вот ведь тоже напасть – отчитываться перед домработницей.

Конечно, Николай меня дождется. Куда он денется? Улыбаясь своим мыслям, выхожу из подъезда.

Людмила

Сегодня я встала рано и чуть подкрасила ресницы, перед тем как «пуститься в бега». От одной мысли, что в горсаду я снова встречу с Николаем, у меня начинали дрожать колени.

– Привет! – В своей неизменной шапочке он пронесся мимо меня, даже не замедлив темпа.

Я сначала приуныла, но тут же одернула себя: а чего ты, собственно, от него ждала? Приглашения в ресторан?

«А может, мне самой его пригласить?» – мелькнула шальная мысль, которой я испугалась до ужаса. Самой? Пригласить? Куда?!

После утренней пробежки голову пришлось мыть хозяйственным мылом. Нет, сначала я по совету какого-то «умного» женского журнала намазала волосы яичным желтком, а потом попыталась сполоснуть водой. Ага! Не тут-то было. Яйцо мертвой хваткой вцепилось мне в волосы, образовав на голове жутчайший лохматый панцирь. Я полезла за шампунем, и тут выяснилось, что он закончился. Денег и времени на то, чтобы купить новый, естественно, не было. Слава богу, что я хоть хозяйственное мыло нашла. Высушив голову пылесосом, который чудом уцелел после Беллиной атаки, я взглянула в зеркало. А что? Не так уж и плохо. Конечно, непромытые волосы стояли дыбом, но выглядели так, будто я уложила их фиксирующим гелем. В свое первое рабочее утро я чувствовала необыкновенный прилив сил, и настроение мое было невозможно испортить ни хозяйственным мылом, ни даже старой юбкой, в которой я отправилась на работу. Мне казалось, что я могу свернуть горы и переплыть все реки. Я вышла на час раньше, чтобы, не дай бог, не опоздать, и, конечно, мне пришлось еще сорок минут торчать у запертых дверей офиса.

Я уныло посмотрела вокруг и, заметив в паре метров от себя цветочный киоск, подошла к нему. Сама не знаю зачем. Просто мне до одури вдруг захотелось увидеть цветы. Настоящие живые цветы. Розы, например. И точно, первое, что бросилось мне в глаза, – огромный букет алых роз. Нераскрывшиеся бутоны были такие огромные, что казалось, хрупкие стебли не выдержат их и сломаются. Интересно, а их кто-нибудь покупает? Есть ведь, наверное, счастливицы, которым мужчины дарят такую красоту. Наверняка есть. А когда мне дарили цветы в последний раз? Пришлось напрячь память. Та-ак. На школьный выпускной не считается, наверное. Тогда физрук подарил всем девчонкам по чахлой гвоздике. Мама, помню, мне как-то астры подарила на какой-то день рождения. Тоже не то. А мужчины? Неужели мне ни разу не дарили цветы мужчины? Мне стало плохо. Я прислонилась спиной к киоску и из последних сил напрягла память.

– Ура! – заорала я в голос, благо рядом никого не было. Вспомнила! Однажды Сережа, когда еще только ухаживал за мной, подарил мне цветок. Правда, в горшке. Герань называется. Он еще тогда сказал, что от ее запаха голова болеть перестает. Значит, все-таки был, был в моей жизни цветок, подаренный мужской рукой!

Без пяти восемь я подошла к офису и снова дернула дверь. Закрыто. Неужели я неправильно записала адрес? В десять минут девятого меня уже колотила нервная дрожь. Может, это чья-нибудь глупая шутка? Розыгрыш?

– Вы устраиваться на кассира? – Хриплый низкий голос заставил меня буквально подпрыгнуть на месте. Немолодой седовласый мужчина доставал из борсетки ключи. – Да?

– Здравствуйте! – Я так обрадовалась, что чуть не кинулась ему на шею. – Это вы звонили? Тьфу, это от вас женщина звонила?

– Почти! – Мужчина открыл дверь и пропустил меня вперед. Темный пыльный коридор представлял собой печальное зрелище. – Теперь налево.

Он толкнул дверь, и мы очутились в маленькой сырой комнатенке, заваленной бумагами.

– Вам звонил мой заместитель Маргарита Иванна! А я директор – Павел Кузьмич! – И он протянул мне руку.

– Очень приятно! – Я пожала его сухую крепкую ладонь и огляделась. Да, не таким я представляла себе свое первое рабочее место. Четыре старых стола вплотную один к другому. Видавший виды компьютер у окна. Старый принтер и один телефон с отбитым краем.

– Присаживайтесь! – Павел Кузьмич жестом указал мне на стул. – Сейчас подойдет Маргарита Иванна, с ней и поговорите.

– А с вами? Вы же директор? – недоумеваю, спросила я.

Мужчина недовольно поморщился:

– Нет, я в такие дела не лезу. Она мой заместитель и решает кадровые вопросы.

Долгожданная Маргарита Ивановна появилась на работе в половине десятого, когда у меня от неподвижного сидения уже онемела пятая точка.

– Здравствуйте, Павел Кузьмич! – проворковала она, едва переступив порог. – Внучку мне на утро принесли. Никак я не могла вырваться раньше...

Она осеклась, увидев меня. Из слащаво-просительного лица мгновенно превратилось в надменно-высокомерное.

– Вы по поводу работы? – Она откровенно оценивающе оглядела меня с головы до ног.

А я в свою очередь уставилась на нее. Да, тот еще экземплярчик! Лет, наверное, около пятидесяти, а может, и шестидесяти, не скажешь точно – на лице у нее толстенный слой косметики. Такие же короткие, как у меня, но только до щемящей желтизны вытравленные волосы, и похоже, что она их тоже мыла хозяйственным мылом. Хотя нет, наверное, это и есть тот самый фиксирующий гель.

– Здравствуйте, Маргарита Ивановна! – бойко рапортую я, приподнимаясь со стула.

– Она долго уже здесь сидит? – обращается Маргарита Ивановна к директору, откровенно меня игнорируя. – Уже вам надоела, наверное?

У меня, как говорится, отпадает челюсть. Ничего себе приемчик!

Павел Кузьмич что-то невразумительно мычит и снова утыкается в кроссворд, который разгадывал все это время (угадал целых два слова, я видела).

– Пройдемте! – С интонацией заслуженного работника гестапо Маргарита Ивановна удаляется в глубь комнаты. Я, естественно, пробираюсь за ней, по дороге ободрав до синяков свои мощные бедра.

– Тесновато у вас, – бормочу я, потирая ушибленную ногу.

– Зато в центре города! – осекает меня крашенная блондинка. – Диплом-то хоть с собой? – Она презрительно щурит глаза. Типа «Господи, с какой дурой мне приходится общаться». Хотя почему с дурой? Я же ничего глупого еще не сказала.

– Вот, – протягиваю я ей синюю «корочку».

– Та-ак, – тянет Маргарита Ивановна, тупо ее рассматривая. У меня сложилось такое впечатление, что она читает по слогам. – Все понятно. А опыта работы нет? – Женщина откровенно ликует.

– Нет, – вздыхаю я, изображая крайнюю степень смирения.

– Ну если я тебя возьму, Людка, то считай что ты счастливица, – как само собой разумеющееся, она переходит на ты.

На работу она меня все-таки взяла.

Матильда

Николай подждал меня на улице. Он вылез из автомобиля и топтался с ним рядом. Еще издали я заметила, как нервно он поглаживает на часы.

– Простите, – произнесла я, как только с ним поравнялась. – Неожиданные проблемы, не привыкла ходить пешком.

– Ничего-ничего! – проворковал Николай и зачем-то полез в машину. Огромный букет алых роз, лежавший на переднем сиденье, перекочевал ко мне в руки.

– Спасибо. – Интересно, неужели он хочет удивить меня этим венком? Ну розы и розы. Мне Мишка еще и не такие букеты дарит. – Очень красиво! – кисло поблагодарила я.

– Тогда поедем завтракать? – Мачо явно обескуражен моим поведением. Наверное, ожидал щенячьего визга и горячей благодарности за цветы. Еще бы, такая щедрость. – Вы какую кухню предпочитаете?

– Только не китайскую. – Я безразлично пожимаю плечами и любезно соглашаюсь сесть в автомобиль. – И не японскую – суши я не люблю, а от теплого саке меня тошнит.

– Значит, европейская кухня будет в самый раз. – Николай уже оправился от первого «щелчка в нос» и теперь уверенно вел машину. – Как вы сегодня спали?

– А что? Я плохо выгляжу? – поинтересовалась я, лениво постукивая отманикюренным сантиметровым ноготком по коленке.

– Нет, вы просто восхитительны. И как вас зовут? Вы до сих пор не открыли эту тайну. Господи, что он там еще бормочет?

– Вы знаете, прекрасная незнакомка, – Николай почти не смотрит на дорогу, развернувшись ко мне вполоборота, – что мне больше всего нравится в европейской кухне? Это большое количество овощных блюд и соусов.

– Матильда, – подала я голос. – Меня зовут Матильда, и смотрите, пожалуйста, на дорогу!

– Конечно-конечно. – Николай послушно отворачивается. – Хотя я больше всего люблю нашу, родную, русскую еду – пельмени там, голубцы.

Мне стало откровенно скучно, кулинарная лекция меня совершенно утомила.

– Николай, пельмени и голубцы – это не русская пища. Они были заимствованы у других народов. По-моему, из Китая и Голландии, хотя я могу и ошибаться, но вот в том, что это не русские блюда, я уверена. И куда мы так долго едем?

– А мы уже приехали. – Николай резко тормозит. – У вас очень красивое имя, вам говорили это?

– Постоянно говорят, – буркнула я и первой вышла из машины. Какого лешего меня сюда занесло?

Маленький уютный ресторанчик на окраине города с экзотическим названием «Шардоне» я прекрасно знала. Пару раз мы выбирались сюда вдвоем с Мишкой, а последний раз нагрянули компанией из семи человек. Было очень весело. Помню, я тогда еще спросила мужа, почему они назвали ресторан маркой вина. Что, пооригинальнее ничего придумать не смогли? А Миша мне ответил, что здесь самая лучшая карта вин. Наверное, поэтому в «Шардоне» всегда полно народу, несмотря на явную удаленность от центра города.

– Прошу. – Николай открыл передо мной дверь и пропустил в маленький, едва освещенный холл. И мне вдруг стало жутко неудобно. До этого момента моя выходка вызывала у меня лишь глухое раздражение, а сейчас появился еще и страх. А если нас кто-нибудь увидит? Например, друзья Миши. Или партнеры. Как я тогда объясню все мужу? Скажу, что просто проголодалась, потому и притащилась с чужим мужиком на окраину города?.. Просто поесть? Ох, ну и дура же я!

– Садитесь. – Николай опустился напротив меня. – Что-то не так? – Похоже, этот пенек заметил, что я нервничаю.

– Нет. Все нормально. – Я взяла себя в руки. Ну не вскакивать же с места! Сейчас быстренько поедим – и прости-прощай!

– Матильда, – тихо, почти одними губами, обратился ко мне Николай. – Если вы вдруг передумали или вам неудобно показаться со мной на людях, то давайте я отвезу вас домой.

Мне становится стыдно. Ну что я за стерва? Николай-то здесь при чем?

– Нет. Все нормально, – словно попугай повторила я ту же фразу и тепло улыбнулась. – Вы правы, я сегодня не выпалась.

– Тогда давайте что-нибудь закажем? – Николай протянул мне меню. – Рекомендую суп из устриц с молоком или свинину в слоеном тесте. Это очень вкусно, я пробовал.

– Спасибо, но устрицы я не люблю, а супы не ем по определению. Мне, пожалуйста, курицу в апельсиновом соусе с кус-кусом и азиатский салат с цукини.

– Конечно. – Николай внимательно посмотрел мне в глаза. – А вы, оказывается, неплохо разбираетесь в европейской кухне. Кем вы работаете, Матильда?

– Я домохозяйка, – безразлично ответила я, взяв карту вин.

– Что будем пить? Я уже боюсь что-либо вам предлагать. Полагаю, и в винах вы дока.

Я снисходительно улыбнулась:

– Мне любое сухое вино.

Интересно, что он выберет? Подороже или подешевле? Ох, не люблю я прижимистых мужчин! Сейчас проверим.

Николай подтягивает к себе карту вин и сосредоточенно изучает разделы.

– Может быть, «Фонсека олд тауни»? – осторожно предложил мой кавалер.

Да, в винах он тоже ни черта не смыслит. Выбрал самое дорогое, по четыре штуки за бутылку. Хоть не жадный, и на том спасибо.

– Николай, – произношу мягко, почти ласково, – я просила вас выбрать сухое вино, ну в крайнем случае полусухое, а вы мне что предлагаете?

– Ой! Совсем вы мне, Матильда, голову заморочили. – Николай смешно взмахнул руками. – Я словно мальчишка на экзамене. – И рассмеялся во весь голос. И смех был такой красивый, такой заразительный, что я мгновенно перестала нервничать и первый раз за все утро искренне улыбнулась.

– Давайте «Жан-Поль Шене», безалкогольное, чтобы и вам не обидно было – вы же за рулем, – предложила я.

– Договорились, – облегченно вздохнул Николай, вытирая испарину со лба. – Все, Матильда.

– Что – все?

– Экзамен я не выдержал? – вздохнул он и улынулся.

– Какой экзамен? – Я старалась не смотреть ему в глаза. – Что это вы придумали?

– Да ладно, проехали. – Николай на мгновение сделал серьезное лицо, а потом снова заразительно рассмеялся. – Мир?

– Мир, – согласилась я и пожала протянутую руку. Вполне приличный дядька, он мне даже начинает немного нравиться. Но все равно – это наша первая, блин, уже вторая, но точно последняя встреча.

– Зря вы так думаете. – Николай попробовал принесенный салат. – Зря вы думаете, что это наша последняя встреча.

Я подавилась. Кусок цукини встал у меня поперек горла.

– Вы, что, дьявол? Читаете чужие мысли? – сквозь кашель и слезы прохрипела я.

– Вот, – он протянул мне бокал с минеральной водой, – выпейте водички. Просто я уже старый стреляный воробей, девочка. Да и про интервью, честно говоря, я вам наврал.

– Ну я так и думала.

– А я придумал повод, чтобы познакомиться с вами поближе, и это у меня получилось.

«Самодовольный старый пень, – рассмеялась я про себя. – Получилось! Да ни фиги у тебя не получилось, мы больше никогда не встретимся, что бы ты там себе ни напридумывал!»

Людмила

Как-то незаметно ранняя осень перешла в позднюю. Красивые, горящие на солнце листья превратились в отвратительную кашу под ногами, а само солнце, кажется, уже навсегда скрылось за серой пеленой туч. Ветер, еще совсем недавно теплый и пахнущий прелой травой, налился свинцовым холодом и теперь изводил прохожих ледяными порывами. Уже не встретишь гуляющих в скверах мамаш с малышами, вездесущие бабульки тоже попрятались по квартирам, и только новому поколению все нипочем. Подростки тесными кучками жмутся во дворах, греются в подъездах, но по домам не расходятся. Вот и сейчас я прошла мимо такой молодежной группки. Мат вперемешку с визгливым смехом, девчонки с красными от холода носами, но в неизменно коротких юбках и их низкорослые, прыщавые, еще не оформившиеся сверстники.

– Эй, тетка! Закурить есть? – догоняет меня такой кадр. – Слышь, чего говорю?

Я оборачиваюсь и пожимаю плечами:

– Не курю я, мальчик!

– Ишь ты, «мальчик»! – обижается подросток. – Сама-то небось недавно молоко с губ оттерла. – И, грубо заржав, уносится к друзьям.

А у меня вырастают крылья. Устами младенца глаголет истина! Значит, я действительно сильно изменилась за последний месяц. Нет, ну то что похудела килограммов на десять, это и так видно. Старые джинсы теперь без ремня не надеть, сползают вниз. Конечно, и утренние пробежки, и неизменно пустой холодильник (который я, кстати, за ненадобностью позавчера отключила) сделали свое дело. Короткие волосы, говорят, тоже молодят, но не настолько же! Наверное, изменился мой взгляд – теперь кроме нового рецепта по приготовлению гуся с яблоками меня стали интересовать еще и мужчины.

Наши отношения с Николаем, к огромному моему сожалению, так и не переросли из дружески-приятельских в эротическо-сексуальные. Мы так и продолжаем каждое утро встречаться с ним в парке, приветливо киваем друг другу и бежим в разные стороны. Пару раз Николай даже поинтересовался, как мои дела, но ничего более. А я продолжаю красить глаза каждое утро перед пробежкой, купила себе приличный спортивный костюм и замираю при встрече с ним, продолжая верить в чудеса.

В моем почтовом ящике уже целую неделю, наверное, валяется какая-то бумажка, а мне то лень, то забываю, то некогда ее достать. Тяжело вздохнув, я открыла сумку и вынула ключ от ящика. Мне в руки упала повестка в суд: ...та-та-та... гр. Симонов, та-та-та... гр. Симонову Людмилу Борисовну... та-та-та... для расторжения брака 31 декабря, в 10.00. Ну по крайней мере один новогодний подарок у меня уже есть. И небо не рухнуло мне на голову, и земля не ушла из-под ног. Со мной даже истерики не случилось. Я безразлично повертела в руках голубоватый конверт и, немного подумав, бросила его на дно сумки. До Нового года еще полтора месяца, пускай пока там полежит.

Чай с куском черного хлеба, легкий салатик да диетический творог – теперь обычный мой ужин. Я уже привыкла и даже нахожу некоторую прелесть в такой скудной трапезе. Вкусовые рецепторы обостряются, и любая пища, будь то даже обычный черный хлеб, кажется сказочно вкусной. Особенно если на обед был пустой чай, в лучшем случае – с молоком. Хотя эта гастрономическая тема меня совершенно не волнует. Сейчас все мои мысли заняты новой работой.

Я тяжело вздохнула и налила кипяток в большую кружку с отбитой ручкой. Фаина Альбертовна, моя непосредственная начальница, а также по совместительству главный бухгалтер, любила поговорить. И это было ужасно! Часами я была вынуждена слушать ее заунывные монологи о муже (старом импотенте), сыне (юном оболтусе), дочери (толстой корове),

снохе (портовой шлюхе) и зяте (уроде с замашками явного уголовника). Также постоянно обсуждались соседи по лестничной клетке (свиньи-сволочи), теща, свекровь, и все их семейство (маньяки-полудурки) и даже маленькая четырехмесячная внучка (вся в сноху, такая же оторва). Причем Фаине было мало просто слушателя, она требовала от меня живого участия в ее семейных проблемах, моих нескончаемых восклицаний типа «Боже! Какая у вас выдержка! Да я бы просто с ума сошла от такой жизни!» или «Неблагодарные! (муж, дети, родственники, соседи, соседская собака, дворовый голубь). Да они должны на вас просто молиться!»

Вся эта мыльная опера выматывала меня до такой степени, что я готова была своими руками придушить Фаю уже после обеда. Но даже и не это было главное.

В коллективе меня не любили. Маргарита Ивановна здоровалась со мной сквозь зубы. Напрасно я пыталась наладить с ними человеческие отношения, наверное, я просто не умею этого делать. Павел Кузьмич почти не вникал в жизнь вверенного ему коллектива, он постоянно разгадывал кроссворды да читал «Криминальный вестник». Маргарита полноправно правила бал, а я всегда оказывалась как бы в стороне. А неделю назад меня «повысили». Марго, как обычно, пружинистой походкой подошла к моему рабочему столу и протянула лист бумаги:

– Прочитай и распишись. – Она поджала тонкие губы, покрашенные яркой бордовой помадой.

– Что это? – Я углубилась в чтение приказа. Оказывается, на период Фаинового отпуска я буду занимать должность главного бухгалтера. Я растерялась: – Как это?

– Как обычно, – буркнула Марго. – Разве Фаюша тебе ничего не сказала?

– Нет, – мотнула я головой. – Ничего.

– Ну, значит, забыла. – Марго нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. – Подписывай, долго мне еще ждать?

И я расписалась. А сегодня с утра начался кошмар. В нашу пыльную комнатку вошли трое молодых парней в спортивных костюмах и утепленных кожаных куртках. Они были похожи друг на друга, словно однойцовые близнецы, и мне показалось, что я вернулась в лихие 90-е.

– Кто тут главный бухгалтер? – спросил пацан в черной шапочке.

– Она. – Маргарита Ивановна кивнула в мою сторону, а я испуганно подняла на них глаза.

– Ты? – Парень подошел к моему столу вплотную. – Ты?

Я съезжилась под его тяжелым взглядом:

– Исполняю обязанности на период отпу...

– Не важно, – перебил меня парень. – Меня зовут Андрей Малинин, а это, – он кивнул на пацанов, стоящих у двери, – мои напарники, коллеги, так сказать.

– И что же? – Я посмотрела на Павла Кузьмича, ожидая поддержки, но директор даже не поднял головы от очередного кроссворда.

– Подпиши. – Андрей бросил мне на стол доверенность.

– Что это? – взяла я в руки бумажку. – Павел Кузьмич? Маргарита Ивановна? – обратилась я к руководству.

– А-а-а-а, это... – Маргарита словно очнулась от спячки. – Это необходимо подписать за главного бухгалтера, Люда.

Она впервые назвала меня по имени.

Я бегло прочла написанное: «Доверенность выдана на право купли-продажи двух гаражей по адресу Советская, 40а, стоящих на балансе муниципального предприятия «Сатурн».

– Но у нас на балансе нет гаражей, – поразилась я. – Я не могу разрешить продавать то, чего нет. Собственно говоря, почему мы должны продавать воздух?

Павел Кузьмич не удостоил меня даже взглядом, а Маргарита демонстративно вышла из комнаты. Я осталась один на один с тремя парнями.

– Гаражей пока нет, – терпеливо, словно душевнобольной, объяснил мне Андрей. – Но они скоро появятся у вас во дворе. Я построю их на свои деньги. Подпиши, и точка!

– Но как же так? – растерялась я. – Земля-то муниципальная, вы не имеете права на строительство. Это противозаконно.

Андрей громко хмыкнул.

– А меня уверили, что проблем не будет. Ладно... – зловеще прошипел он и вылетел из комнаты, за ним поспешили и двое других.

– Павел Кузьмич, – подошла я к столу директора, – я не буду этого делать, это противозаконно, меня же посадят.

Директор молча дернул плечом и тоже вышел из комнаты.

До конца рабочего дня ни Маргарита, ни Павел Кузьмич так и не вернулись, а я просто не находила себе места. Что будет дальше?

Я пригубила горячего чая и отломил кусочек сыра. Я была так расстроена, что сегодня даже не чувствовала голода, как обычно это бывает по вечерам.

Еще раз прокрутив в голове историю с доверенностью, тяжело вздохнула. Вывод напрашивался сам собой: похоже, меня хотят подставить. Не могло быть столько совпадений – и отпуск главного бухгалтера, и трое парней с молчаливого согласия директора. Что же мне делать?

Вопрос, как водится, повис в воздухе.

Матильда

А наутро выпал снег. Я подошла к окну и просто обалдела: еще вчера непролазная грязь и голые деревья с редкими жухлыми листочками, а сегодня – красотища. Потянулась до хруста в суставах и снова юркнула под одеяло, благо сегодня выходной и Миша дома. Я посмотрела на спящего мужа и вдруг отчетливо поняла, что если спящий мужчина вызывает у тебя не раздражение (храпит, сопит, рот приоткрыт, дурацкая поза), а щемящее умиление, то ты его любишь. Я осторожно присела около Мишки и легонько коснулась его рукой. Какой он все-таки у меня симпатичный. Даже несмотря на намечающуюся лысину и легкую небритость. Хотя со стороны он, скорее всего, кажется самым обыкновенным мужчиной – я его внешность имею в виду. Правда, фигура у него отличная – высокий, мускулистый, ни капли жира, а глаза самые обыкновенные – голубовато-зеленые. Это если он смотрит не на меня. А если на меня, то они становятся глубокими и завораживающими, как красивый сон, когда не хочется просыпаться. Я не удержалась и легонько поцеловала его в шею. Мишка даже не пошевелился. Вот дрыхнет! Конечно, жаль его будить в единственный выходной, но я быстренько скинула легкую ночную сорочку и стащила одеяло с мужа. Теперь у него не остается другого выхода, как... Аккуратно, словно он сделан из фарфора, обнимаю Мишку за шею и легонько покусываю ухо. Спит! Даже не шевелится. Вдруг мне стало обидно – вот ведь пень бесчувственный! И тут его рука осторожно поползла по моему бедру. От неожиданности я даже негромко вскрикнула.

– А я уже давно не сплю, – пробормотал Миша, притягивая меня к себе.

У моего мужа ласковые руки. Огромные ласковые руки. Когда он обнимает меня, я чувствую себя маленькой хрупкой соломинкой. От Мишки исходит удивительный запах, мне почему-то кажется, что так пахнет янтарь – теплый, нежный и немного с горчинкой запах. У меня уже кружится голова, а он все продолжает шептать, тихо-тихо, так тихо, что я уже не разбираю отдельных слов, а просто погружаюсь в мелодию его голоса. Я легонько дотрагиваюсь пальцами до его лица, и он замолкает. С закрытыми глазами я тянусь к нему и натываюсь губами на его губы – немного жестковатые и соленые, словно он пил морскую воду. Поцелуй, кажется, длится целую вечность...

А потом я еще долго-долго лежу у мужа на груди и молчу. Так хорошо и спокойно, что не хочется шевелиться. Наконец я сладко потягиваюсь и приподнимаюсь на локте. Мишка такой смешной – взъерошенный, как купающийся в песке воробей, и вид у него совершенно блаженный.

– Ты что, котенок? – Он нежно притянул меня к себе и улыбнулся. Господи, когда он вот так улыбается, у меня мороз по коже. Суровое, даже немного угрюмое лицо мужа на мгновение озаряется неземным светом. И уже просто невозможно отвести от него взгляда. Его глаза околдовывают, обволакивают и лишают воли. Я кончиками пальцев погладила его плечо, потянулась к губам. И все началось сначала.

Людмила

У меня появился-таки телевизор. Правда, маленький, на зато цветной. Купила в кредит с рассрочкой на год. Теперь есть чем заняться в длинные зимние вечера. На раскладушке я больше не сплю – неудобно, утром шея болит и бока. Покидала на пол три теплых одеяла, сверху шерстяной плед – и импровизированное ложе готово. А что? Мне нравится. А сегодня у меня вообще праздник, я купила себе стопроцентный натуральный томатный сок и сто граммов мармелада. Скорее всего, сочетание мармелада с томатным соком не самое изысканное, но мне плевать. Вкусно и на душе становится не так муторно, ведь я до сих пор жду визита тех парней с проклятой доверенностью, но они не появляются вот уже три недели. А через пять дней из отпуска возвращается Фая. В общем, надеюсь, что все будет хорошо!

По телевизору показывают довольно откровенную постельную сцену. Совершенно безразлично тарашу глаза на экран, а потом почему-то вспоминаю мужа и внезапно сравниваю наши с ним отношения с заводным игрушечным зайцем. Есть такая игрушка на батарейках: сначала и музыка звучит громко, и заяц резво бьет по ба рабану. Потом батарейка садится, и музыка становится все глуше и глуше, в конце концов переходя в предсмертный вой. А лапками заяц все еще машет – потому что не может сразу остановиться.

Мне кажется, что «батарейка» нашей с Сережей семейной жизни «села» примерно через год после свадьбы. Когда кроме быта и «увлекательных» разговоров свекрови ничего не остается, любовь быстро уходит, словно случайный гость. «Ты купил картошки? Не купил? Ну тогда я сварю макароны» – вот такая семейная жизнь.

А на улице снег. Первый снег. Наверное, это очень романтично, и во мне сейчас должна проснуться слабая женщина, но она не проснулась. Мне снова стало противно: днем снег растает, грязи будет по колено, а у меня старые дырявые ботинки. Опять весь день ходить с мокрыми ногами.

Теперь по телику реклама. Я и мой друг телевизор. Скоро с ним разговаривать начну, как тот товарищ из «Комеди Клуб». Иногда мне становится страшно оттого, насколько глубоко я «промерзла». Душа словно обледенела – наверное, Сережа был «снежной королевой», только мужского пола, «снежный король», который своим поцелуем превратил меня в сосульку. Где они, независимые, выдержанные, любящие жену и детей мужики, способные пережить насморк, не замучив при этом всех окружающих предсмертными стонами. Где? Начисто вывелись. Сейчас процветает какой-то гибрид мужика с ручной болонкой – вроде мужчина рядом, но он постоянно скулит, всего боится и при этом оглушительно лает. Тоска.

Хотя я прекрасно понимаю, что такое пессимистичное настроение у меня из-за Николая. Мы с ним больше не видимся в городском саду – он перестал бегать или сменил маршрут. Жаль, что я так и не решилась пригласить его на чашечку кофе.

Матильда

Я задремала, пока мы ехали на лыжную базу. В машине было тепло, и меня, похоже, укачало.

– Миш? – Я сонно протерла глаза. – Скоро уже?

– Сейчас, солнышко! – улыбнулся муж. – Выспалась?

– Почти, – буркнула я. Несмотря на то что мы решили провести эти первые декабрьские выходные вместе, да еще на лыжной базе, да еще в компании друзей, настроение у меня плохое. И причина в Катерине.

– Ну скажи мне, – продолжила я недавний разговор, – зачем вы взяли ее с собой?

Мишка угрюмо сдвинул брови, но промолчал. Ага, а что он скажет? Будто я не знаю, что Катя давно ему глазки строит.

– Солнышко, прекрати. – Муж взял себя в руки. – Она же с другом едет, в другой машине. А Володя наш партнер, ты же сама знаешь.

– Ничего я не знаю. – Слезы уже переполняют глаза. – Ты ее специально пригласил, чтобы помотать мне нервы.

– Началось! – закипел Мишка. – Что еще придумаешь?

Притормозили мы у базы в «прекрасном» настроении. Рядом припарковались две машины друзей. Ненавистная Катюха выскочила из джипа первой и, резво подпрыгивая, понеслась к административному зданию. Высокая и стройная восемнадцатилетняя девчонка с огромными васильковыми глазами и копной рыжих волос вызывала во мне жуткое раздражение и зависть. Она училась на первом курсе в престижном универе, прыгала с парашютом, имела титул «Мисс наш город» за позапрошлый год и постоянно поглядывала на моего мужа.

– У, дрянь! – громко выругалась я, провожая Катюку глазами до тех пор, пока она не скрылась за дверью. – Шлюха.

Мишка хотел было возмутиться, но промолчал. Лишь неодобрительно покачал головой и открыл заднюю дверь, чтобы выпустить Розочку на снег.

Мы ввалились в здание лыжной базы. Довольно приличный двухэтажный домик в деревенском стиле. На первом этаже столовая, бар, каминный зал и сауна, а на втором несколько спален. Кроме нас здесь больше никого не было, потому что ребята откупили всю эту роскошь на предстоящие выходные. Девчонок отправили наверх переодеваться в куртки и лыжные брюки, а мужчины пошли в бар пропустить по рюмочке коньяку. Как говорится, для разогрева. Я и еще две такие же идиотки, Наташа и Надя, которым тоже не сиделось дома, поперлись на второй этаж. Катерина еще не объявилась. В отличие от меня девчонки были в отличном расположении духа и громко смеялись, комментируя все, что попадалось им на пути. Я же хранила гробовое молчание.

– Мо, – ущипнула Надя меня за локоть, – ты чего сегодня такая кислая? Критические дни? – И заржала своей глупой шутке.

– Критические ночи, – огрызнулась я, и меня оставили в покое.

Наверху мы разошлись по разным спальням, и я, наконец оставшись одна, опустилась на огромную кровать, которая занимала половину комнаты. Настроение было испорчено окончательно. А ведь день не заладился с самого утра – едва я проснулась, как обнаружила у себя на носу прыщ, которого и в помине не было вчера вечером. Я уныло потащила в ванную и там при ярком свете лампы увидела, что дела обстоят даже хуже, чем я могла предположить вначале. Сам нос тоже распух, и теперь я выглядела смешно и отвратительно.

Конечно, я сразу же решила никуда не ехать, но Мишка уговорил меня не делать глупостей.

– Да ничего там у тебя и не видно, – прокомментировал он, разглядывая мой нос с близкого расстояния. – Припудри, и вообще никто не заметит.

И я, идиотка, согласилась. А потом, уже перед самым отъездом, выяснилось, что новые фирменные лыжные ботинки мне малы, и пришлось брать с собой старые, которые надоели до чертиков. От яркой красно-голубой спортивной шапочки, которая так шла к моим глазам, тоже пришлось отказаться, и, чтобы не привлекать внимания к распухшему носу, я надела серую. Получилось не ахти как нарядно, и я совсем приуныла. А когда мы подъехали к месту сбора и я увидела Катю – молодую, ослепительно прекрасную, в ярко-желтой спортивной куртке и оранжевой, под цвет волос, шапке, мое настроение рухнуло в минус. И вот теперь надо переодеваться, тащиться вниз и изображать крайнюю степень радости. А вот не буду, и все тут! Я вообще никуда не пойду!

Со злостью метнув ботинки в противоположный конец комнаты, я демонстративно улеглась на кровать и стала разглядывать потолок. Вот сейчас Мишка разволнуется, что меня так долго нет, прибежит сюда... Ух я ему и устрою!

Прошло полчаса. Потолок уже давно перестал меня интересовать, делать было больше нечего, а меня никто даже и не хватился. Теперь я уже имела полное право обидеться всерьез. А если у меня сердечный приступ случился, например? Или я ногу сломала? А Мишка меня не ищет. В общем, обиделась я страшно. Переделась по-быстренькому и пошла вниз. Наверняка он с мужиками в баре заболтался так, что и про время забыл.

Едва я переступила порог номера и вышла в коридор, как меня оглушила музыка, доносящаяся снизу. Они дискотеку устроили, что ли? Я пулей слетела с лестницы и бросилась в бар. А там наши мужчины, с позволения сказать примерные мужья, плотным кольцом обступили стойку, на которой – о ужас! – как уж на сковороде извивалась Катюха. Наташка и Надя стояли рядом и, весело пританцовывая, аплодировали. А та... Вот ведь оторва! В белых стрейч-брючках и кремовой водолазке, заразительно смеясь, исполняла какой-то совершенно неземной эротический танец. Вот она красиво присела, вот выгнула спинку. Копна рыжих волос упала ей на лицо. Катюха сделала последнее па и под оглушительные рукоплескания спрыгнула со стойки. Чьи-то заботливые мужские руки ловко подхватили девушку в воздухе. И, только подойдя немного ближе, я поняла, что это были руки моего мужа. Мишка, улыбаясь совершенно дебильной, щенячьей улыбкой, осторожно поставил Катю на пол, а та при всех... поцеловала его в щечку...

– Это как понимать? – Я даже не сразу сообразила, что громко кричу. Музыка смолкла как по команде, и все уставились на меня. Голос предательски дрожал, лицо побелело. – Я спрашиваю, что здесь происходит? – Меня колотило как в лихорадке.

Мишка испуганно вздрогнул и бросился ко мне навстречу:

– Солнышко? Что с тобой?

Видимо, музыку кто-то выключил, и теперь в баре стояла напряженная тишина. Ребята удивленно переглядывались, а Катюха, вот сволочь, приветливо мне улыбнулась и даже попыталась что-то объяснить:

– А мы тут в фанты играли, пока тебя не было. Мне вот выпало на стойке станцевать... Я...

– Вижу, что ты, – грубо оборвала я эту шлюху и ненавидящим взглядом уставилась на мужа: – Развлекаешься? У меня за спиной?

– Мо... Ты чего? – Мишка испуганно попятился. – Я тебя потерял, хотел за тобой в номер идти, да девчонки сказали, что с тобой все нормально, что ты переодеваешься.

Не знаю, что на меня нашло, но я сделала два шага навстречу мужу и залепила ему оглушительную пощечину. При всех. Кто-то испуганно вскрикнул. И снова тишина... Оглушительная тишина...

Катя в ужасе вытаращила глаза и, кажется, даже перестала дышать. А Мишка машинально потер щеку.

– С ума сошла? – миролюбиво спросил он. И вот этот спокойный тон доконал меня окончательно.

– Это я с ума сошла? – заорала я в голос, размазывая по щекам злые слезы. – А ты, ты с ума не сошел? Лапаешь эту шлюху у всех на виду, хоть бы людей постыдились! Отвел бы ее в сауну да там и выдрал, как сучку. – Похоже, я уже не соображала, что говорю.

Катюха смертельно побледнела и прижалась к Володе, а Мишка, наоборот, налился пунцом.

– Заткнись! – зашипел он, хватая меня за локоть. – Что ты несешь?

– Не трогай меня! – заревела я, устроив безобразную истерику. – Иди хватай свою девку!

Под гробовое молчание муж взвалил меня, орущую и упирающуюся, на спину и понес наверх.

В номере он швырнул меня на кровать:

– Собирайся! Собирай свои вещи, сейчас я вызову такси, и ты поедешь домой. Ты опозорила меня перед всеми, дура! – Мишка устало опустился на кресло.

– Домой? Хочешь отправить меня отсюда подальше, чтобы я не мешала тебе здесь трахать... – Я мгновенно замолчала, стоило мне лишь мельком взглянуть на мужа.

Губы у него побелели, руки сжались в кулаки.

– Заткнись, или я за себя не отвечаю, – прошептал он, не поднимая головы. И я заткнулась. Быстренько собрала в сумку разбросанные по всей комнате вещи и пошла к выходу. Мишка – следом. Он даже не помог мне нести тяжелую сумку. Когда мы спустились на первый этаж, в домике уже никого не было. Скорее всего, ре бята ушли кататься на лыжах. Мишка проводил меня до ворот базы, молча запихнул в подошедшее такси и, не простившись, пошел назад.

Я залезла на заднее сиденье и, как ни крепилась, все-таки заплакала. В машине громко играла музыка, Распутина и Киркоров надрывались про розу чайную, а я редела. А потом на меня накатила такая злость, нет, даже ненависть к Мишке.

– Значит, меня домой отправил, а сам развлекаться остался, – бормотала я, судорожно роюсь в сумке. – Да где этот чертовый сотовый телефон?

Наконец я нащупала маленькую гладкую коробочку и сразу же начала набирать номер. Руки дрожали так, что нужный номер я набрала лишь с третьей попытки.

– Алло? Это Николай? – Я старалась говорить спокойно и по возможности непринужденно. – Это Матильда. Вы сегодня свободны вечером? Давайте встретимся? Где? Хорошо, давайте там. В восемь? Хорошо.

Я отключила телефон и без сил откинулась на мягком сиденье. Сегодня в восемь, «Атриум» на Кисилевской улице. Это ресторан и номера... номера... Ну что ж, Мишка, сам так решил. Теперь пожинай плоды.

Я закрыла глаза. Мне было до такой степени противно, словно я вывалилась в дерьме.

Людмила

На правом сапоге сломалась «молния», едва я попыталась ее застегнуть. Замок заедало уже давно, но я все же надеялась дотянуть до следующей зарплаты, чтобы отдать сапоги в ремонт.

– Значит, не дотянула! – задумчиво произнесла я, снимая сапог с ноги.

И что теперь делать? На улице полно снега, а осенние ботинки откровенно просят каши, да еще и кожа у них лопнула по шву несколько дней назад. Кожа – куда уж там кожа, так кожзаменитель с китайского рынка. В чем идти на работу? Я растерянно огляделась – полвосьмого утра, темный коридор, я в одном сапоге на холодном полу.

– Господи! Ну как мне все надоело!

Внезапно меня охватил такой порыв злобы, что я чуть не задохнулась. И позитивное видение мира неожиданно рухнуло, похоронив под руинами двухмесячный тренинг «на лучшую жизнь» брошенной жены и надежду на сказочное будущее. Мне все надоело! Осточертело! Остоюбилеяло!

Помню, несколько лет назад я в эфире какой-то радиостанции услышала грустный голос ведущего.

– У нас сегодня юбилей! Юбилей! – произнес он и замолчал. – Уже полвосьмого вечера – и как же мне все остюбилеяло!

Вот мне остюбилеяло, что нет зимних сапог, денег, мужа и, наконец, горячей воды в кране. Четвертый месяц идет какой-то суперсложный ремонт одной прогнившей трубы. Такое ощущение, что наш ЖЭК с кем-то воюет – едва одну яму зароят, так тут же рядом копают следующую. Кругом руины и ледяная вода, от которой краснеют руки. «Двадцать первый век! Мать их за ногу», – сорвала я злость на несчастных слесарях и, тяжело вздохнув, засунула ноги в осенние ботинки.

Первый же сугроб щедро поделился со мной большой порцией снега, и ботинки моментально промокли, словно были сделаны из туалетной бумаги. Но появился и плюс – уже не имело смысла идти как цапля, высоко задирая ноги. И тогда я поперла как танк.

Прохожие отскакивали в сторону, уступая мне дорогу. И даже высокомерные владельцы личного транспорта сегодня благоразумно меня объезжали стороной, видимо справедливо считая, что для танка все нипочем. На работу я явилась с опозданием на полчаса, что случилось со мной впервые. Едва я очутилась в нашем маленьком пыльном коридорчике, тут же решила снять левый ботинок, потому что танк танком, а нога уже онемела от холода. Я плюхнулась на трехногий стул, скинула промокший ботинок и стала растирать ледяные пальцы. Дверь в нашу контору была приоткрыта, и я без удивления, почти как само собой разумеющееся, обнаружила на рабочем месте Павла Кузьмича перед очередным кроссвордом, который довольно громко разговаривал по телефону с неизвестным мне собеседником:

– Так предложите ей деньги, в конце-то концов!

Я так отвыкла от голоса директора, что даже вздрогнула.

– Она живет одна, с деньгами напряженка, много не возьмет. – Павел Кузьмич продолжал телефонный разговор. – Да знаю я, что завтра выходит Фаина, так какого черта вы ждали целый месяц? Нет, Фаина категорически против. Да! Так мы ее и взяли только ради этого. Андрей, ты пойми, я Фаю подставлять не собираюсь.

У меня поплыло перед глазами. Я осторожно обулась и тихо подкралась к двери. Маргарита сидела за своим столом и не сводила глаз с Павла Кузьмича. Значит, и она в курсе! А ведь Марго не раз уговаривала меня подписать эту доверенность – якобы нет в этом ничего противозаконного! Я прислонилась спиной к стене и всхлипнула: мне стало обидно до слез – ну что я им сделала плохого?

Я бочком вышла на улицу, проклиная себя за трусость, у меня не хватило духу сказать все, что я думала, им в лицо. Я брела по улице и глотала слезы, вполне очевидно, что и работу кассира я потеряла. Я вернулась домой и села в кухне за стол, устремив в окно невидящий взгляд. Мне было очень плохо и хотелось выпить, но вместо этого я решила пробежаться по парку. Да, в десять утра, да, в мокром ботинке, но мне нужно было хоть что-то сделать, чтобы не сойти с ума прямо сейчас. Я захлопнула дверь и рванула вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.